

ТРАГЕДИЯ ТАЛАНТА

«Милый лжец» в Художественном театре

Пьеса «Милый лжец» написана вопреки всем канонам драматургии. Да и создана она, пожалуй, не столько драматургом Джеромом Килти (перевод Е. Гольшевой и Б. Изакова), сколько двумя ее действующими лицами — Бернардом Шоу и актрисой Патрик Кемпбел. Их подлинные письма, которые они писали друг другу на протяжении четырех десятилетий (1899—1939 гг.), и составляют содержание этой необычной пьесы. В ней ничего не происходит, кроме того, что два близких по духу человека перечитывают вслух старые свои письма. И это чтение неожиданно оказывается величественным сценическим диалогом и волнующим, драматически напряженным действием.

Как же прочли эту пьесу в письмах артисты Художественного театра А. Степанова и А. Кторов вместе с режиссером И. Раевским? Они прочли ее как художники, верные высокому общественному назначению искусства. И были вознаграждены за это благодарным откликом чуткого зрителя.

Казалось бы, интимная переписка, раскрывающая отношения талантливой актрисы и выдающегося писателя, не очень то подходящий повод для создания пьесы и спектакля. И если все же решено было оглашать ее со сцены, то и пьеса, и спектакль могли бы прозвучать в театре лишь в сугубо камерном ключе, насколько не затрагивая тех

вопросов жизни, на которые надлежит отвечать искусству.

Но так не случилось. Художественный театр нашел убедительное оправдание появлению на своей сцене столь необычной пьесы. И оправдание это сводится к тому, что за дружескими, интимными отношениями двух больших людей искусства видятся куда более значительные и драматичные отношения художника и общества. Они-то и определили главное содержание спектакля. Трагедия таланта стала его ведущей темой.

Именно эта тема и раскрывается в переписке Бернарда Шоу и Патрика Кемпбел. Их письма читаются словно горестная повесть о том, как нелегко дается счастье творчества там, где общество ни во что не ставит достоинство и честь художника, где столько терний возникает на его пути. Забытой и одинокой, чужь ли не в нищете встречала закат своей жизни знаменитая, прославленная Патрик Кемпбел, блиставшая некогда на английской и американской сценах. В ту печальную пору писала она в одном из писем к Шоу, что не только в молодости, но и в старости человеку приходится вести великую битву за жизнь.

Но каждому ли по силам вести эту битву, отвоюя себе достойное место под солнцем, вступать в непримиримый конфликт с обществом, которое менее всего волнуется судьба эстетических идеалов художника? Одиночество чаще всего становится

там уделом истинного таланта. Не потому ли так нужна и так дорога была и для Бернарда Шоу, и для Патрика Кемпбел их столь длительная переписка. Она помогала преодолению этого чувства социального одиночества, становилась необходимейшей духовной потребностью: надо же иметь рядом чуткое сердце, перед которым можно открыто высказать всю боль и все волнения своего сердца, все то, чем живет душа и до чего нет никакого дела другим в этом черством, эгоистическом, лицемерном обществе, давно уже утратившем высокие нравственные идеалы человеческого бытия, так жестоко ущемляющем достоинство художника. Не только мелодия любви и верности звучит в их письмах. В них прорываются вдруг страстные гражданские мотивы, гневное осуждение войны и фашизма.

Этот второй план пьесы «Милый лжец», с такой неотразимой убедительностью выявленный актерским исполнением, и придает спектаклю художественную значимость. Внешнее правдоподобие менее всего интересовало актеров. В Бернарде Шоу, каким показывает его А. Кторов, совсем не обнаруживается внешнего портретного сходства с выдающимся английским драматургом. Да и у А. Степановой внешний облик Патрика Кемпбел тоже достаточно условен — он оказывается неизменным на протяжении долгих сорока лет. И

это нисколько не мешает зрителю в восприятии правды образа. Исполнение двух талантливых актеров, достойных учеников основателей Художественного театра, волнует и покоряет глубокой постижения человеческого характера, высоким умением показать со сцены живое движение мысли и чувства.

А. Степанова в новой своей роли с удивительной полнотой живет духовным миром человека, жаждущего счастья жизни и счастья творчества. И при всем этом у нее проявляется благородная сдержанность исполнения, свободная от какой-либо сентиментальности; выразительность мысли, движения души героини для нее дороже внешне красивой выразительности эффектной позы, эффектного жеста. Всем своим существом переживая на сцене весьма драматические обстоятельства нелегкой судьбы Патрик Кемпбел, она как бы изнутри освещает свое исполнение светлым оптимизмом, порождаемым верой в человека, верой в жизнь. Не потому ли столько тончайших граней характера открывает актриса в исполняемой ею роли, насыщает ее таким богатством духовного содержания. Во всем этом проявляется красота и сила истинного артистического таланта, таланта, по природе своей жизнеутверждающего и мужественного, не прельщающегося изображением духовно сломленного человека.

Очень верно также почувствована и выражена А. Кторовым самая сущность сложного характера Шоу. И здесь отличительной чертой исполнения становится не склонность к мелочной житейской достоверности, а сила художественного обобщения. Мо-

жет быть, самое важное из того, что сделано актером в этой роли, сводится к утверждению горькой истины: не от хорошей жизни родилось в его герое широко известное пристрастие к парадоксам. Вынужденная парадоксальность его характера, его поведения — это всего лишь своеобразное средство духовной самозащиты человека, которого общество не хочет понять и поддержать. Это тот смех сквозь слезы, о котором говорил еще Гоголь. Жизнь состарила писателя, — он как то неожиданно подражал, — но ничто не в силах было сломить его характера, заставить его склонить свою голову. С каким совершенством надо владеть артистическим мастерством, чтобы сделать это так, как сделал А. Кторов!

В режиссуре И. Раевского, сдержанной и строгой, так же, как и в актерском исполнении, нет ничего внешне эффектного, показного, необязательного. Но при этом кажущемся самоограничении он достигает желаемой театральности, которая покоряет и волнует зрителя глубочайшей правдой рассказа о человеческих судьбах. Этой правде подчинено в спектакле все. И музыка Н. Молчанова появляется в нем как бы для того, чтобы подхватить и усилить скорбную ноту жизни двух сценических героев.

Словом, это спектакль подлинно мхатовской культуры. Он дает почувствовать, в чем заключены обаяние и сила жизнеутверждающего искусства Художественного театра. И отраднo, что спектаклем такого художественного совершенства встречает театр приближающееся 100-летие со дня рождения Станиславского.

Н. АБАЛКИН.

Старода, 1962, 27005